

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АЛЬМАНАХ

Прогресс-Традиция
МОСКВА

В. Я. Зуб

ББК 87.3
С 24

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-03-16036*

Главный редактор альманаха Б.В. Орешин

С 24 Связь времен (Наука – Традиции культуры – Новое видение мира). Вып. 1. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 328 с.

ISBN 5-89826-080-3

Название альманаха фиксирует суть фундаментальной человеческой проблемы, проходящей через всю историю и особенно драматично и напряженно заявляющей о себе на рубеже веков: как преодолеть расколотость, разобщенность, фрагментированность социальной жизни, отделенность и противопоставленность человека миру, как придать холистический смысл истории, как, наконец, обрести сознание единства с окружающим миром, космической жизнью в целом. Эти проблемы рассматриваются в сборнике на различных уровнях теоретического обобщения, в различных содержательных и культурно-исторических контекстах. Альманах рассчитан на широкий круг читателей, составляющих научно-образовательное сообщество, – научных работников, преподавателей высшей и средней школы, студентов и аспирантов

ББК 87.3

В оформлении издания использованы произведения К. Хокуса, В. Кандинского, Л. Кранаха, А. Матисса, Р. Делоне, М. Шагала.

ISBN 5-89826-080-3

© Коллектив авторов, 2001
© А.Б. Орешина, оформление, 2001
© Издательство «Прогресс-Традиция», 2001

Содержание

На краю времен

- А.П. Назаретян*
В зеркале двух веков. Предварительные оценки и сценарии 13
- С.С. Хоружий*
Глобальная динамика Универсума и духовная практика человека 41
- С.С. Аверинцев*
Язык как совместное обладание эпох и поколений 59
- А.Е. Чучин-Русов*
Культурные мультипликации на экране истории,
или Единое поле мировой культуры 68
- В.И. Мартынов*
Ожидание чуда в культуре пограничной эпохи 90
- Ханс Кюнг*
Реальность под вопросом 99

Россия в поисках настоящего

- Е.Б. Рашковский*
Владимир Соловьев и гражданское общество 126
- В.Г. Хорос*
С.Ю. Витте: уроки реформ 138

<i>В.Г. Федотова</i> «Веги» и новая попытка преобразовать Россию	167
<i>Л.В. Карасев</i> О «началах» человека (Вл. Соловьев и А. Платонов)	188
<i>А.М. Копировский</i> Проблемы возрождения традиций в современном русском иконописании	193
<i>В.В. Налимов</i> Достоинство человека	199

Оптика истории

<i>М.В. Рац</i> Освободить будущее от прошлого? Освободить прошлое от будущего? Введение к теме.	215
<i>А.А. Белый</i> Линза и зеркало. Оптико-историческая аналогия	237
<i>Рене Генон</i> Ступени восхождения человека	275
<i>Т.М. Фадеева</i> Дельфийский оракул	300
Сведения об авторах	324

О «Началах» человека

(Вл. Соловьев и А. Платонов)

Я буду сравнивать сочинения Вл. Соловьева и А. Платонова, имея в виду лишь одно обстоятельство или основание. А именно то, как сходятся или разнятся у этих авторов «теоретические» представления о человеке, о его родовой сущности. Я говорю «теоретические» и в случае Платонова, поскольку та картина мира и человека, которая явилась в его сочинениях, во многом основывалась не только на интуитивных догадках, но и на вполне продуманных теоретических воззрениях. Платонов – писатель с очевидным философским и научным «креном»; Соловьев же, если продолжить сравнение, – философ, наделенный несомненным писательским даром.

Собственно, дело даже и не в этой параллели: просто те представления о человеке, о его «модели», с которой мы сталкиваемся у Платонова, настолько устойчивы и последовательны, что вполне могут быть сопоставлены с жесткой теоретической схемой Соловьева. Этим сравнением мы сейчас и займемся.

В «Оправдании добра» Соловьев называет три чувства или три основания человеческой нравственности, без которых человека нельзя помыслить как полноценное, отвечающее своему онтологическому статусу существо. Соловьев излагает свою мысль настолько ясно и последовательно, что для ее воспроизведения нам будет достаточно обратиться к краткому предварительному изложению главы «Первичные данные нравственности» – так как это делает сам Соловьев. Первое чувство, составляющее «естественный ко-

рень человеческой нравственности», – чувство стыда. «Глубочайший смысл стыда: то, что стыдится, в самом психическом акте стыда отделяет себя от того, чего стыдится, – человек, стыдящийся животной природы в ее коренном процессе, тем самым доказывает, что он не есть только явление или процесс этой природы, а имеет самостоятельное, сверхживотное значение».

«Второе нравственное данное человеческой природы – жалость или симпатическое чувство, в котором выражается этическое отношение человека не к низшей природе (как в стыде), а к подобным ему живым существам. Жалость не может быть результатом человеческого прогресса, так как существует и в животных. – Жалость есть индивидуальный душевный корень должных социальных отношений».

«Третье нравственное данное человеческой природы – чувство благоговения, или благочестия, выражающее должное отношение человека к высшему началу и составляющее индивидуально-душевный корень религии»¹.

Если сопоставить соловьевскую схему с тем набором душевных качеств, которым наделяет человека Платонов, то можно увидеть ряд примечательных совпадений и отличий. О «совпадениях» я говорю с достаточной степенью условности, поскольку каждый из «наборов» составил в эпохи, весьма сильно отличающиеся друг от друга. Вместе с тем есть тут и некоторая общая почва, из которой произрастают оба автора, что позволяет сравнивать их мыслительные конструкции, не опасаясь того, что речь будет идти о совершенно внеположенных друг другу вещах. Эта почва – христианское, мистическое мироощущение, помноженное на те особенности, которые придала этому мироощущению русская история и культура. И если Соловьев – христианский мистик и теоретик «по определению», то Платонов – христианин интуитивный и анонимный; писатель, чье слово исполнено чувства или свойства, которому на языке христианских понятий ближе всего подходит понятие «благодати».

Среди того – довольно ограниченного – набора чувств, которым Платонов наделяет своих странных персонажей, очевидно выделяются и главенствуют три «начала», или «основания». Платоновские люди постоянно испытывают чувство стыда, жалости и тоски. Само собой, когда-то они могут удивиться или засмеяться, однако все это не более чем отдельные эпизоды на фоне тотальной стыдливости, жалости и уныния. Примеры такого рода идут у Платонова сплошным потоком, так что подтверждать сказанное цитатами нет необходимости (подробно я писал об этом в работах «Знаки покинутого детства» и «Смех и стыд у Платонова»)². Особо примечательно в платоновском случае то, что в большинстве ситуаций мы сталкиваемся с достаточно произвольным соединением события или поступка и сопровождающего его чувства. Чаще всего это происходит с чувствами стыда и тоски: стыдиться и тосковать платоновские персонажи могут от чего угодно и когда угодно. Подробности в данном случае опять-таки не так важны, как сама

психологическая и одновременно онтологическая конструкция личности героев «Чевенгура» или «Котлована», которую я и пытаюсь сравнить с триадой Соловьева.

В «Оправдании добра» Соловьев пишет, что в феномене стыда важно «не столько то, что человек вообще *стыдится*, сколько то, чего он стыдится»³. Речь идет о чувстве «полового стыда», то есть о том, что, согласно мысли Соловьева, связано с «дурной бесконечностью» человеческого размножения. У Платонова столь явного смыслового акцента нет; у него уже свершился перенос стыда на все проявления человеческой жизни, включая сюда и те, что в «норме» и не должны были бы вызывать чувства стыдливости. Вместе с тем если идти от исходной точки платоновской мысли, то окажется, что общий смысл платоновского тотального стыда во многом родствен пониманию стыда у Соловьева. Я имею в виду тему «полета к бессмертию», которую, так или иначе, разделяют многие из платоновских «самодельных» людей. Причем важно, что речь в данном случае идет не об эфемерном бессмертии души, а о реальной победе над смертью, о будущем – еще прижизненном – «отмщении».

Иначе говоря, стыдящиеся платоновские люди в такой же мере, как это представлено у Соловьева, отрицают ту «дурную бесконечность» природного повтора, в которую против своей воли вовлечен человек и которая лишает его возможности сделаться существом духовным; духовным в той мере, в какой он на это чувствует себя способным. «Мы не можем ничего создать из себя самих, – то, что мы даем будущему, мы отнимаем у прошедшего, и чрез нас потомки живут на счет предков, живут их смертью»⁴. Сказано Соловьевым, но так мог выразиться и Платонов: сходство, наводящее на размышления, поскольку здесь есть совпадение не только в мысли, но и в самом способе ее изложения. Впрочем, возможно, именно этим обстоятельством – общим посылом, единой надеждой и упованием, объясняется и сходство в организации мысли. Платоновские люди, которые не чувствуют в себе особой разницы с детством, не стремятся к продлению рода. Они тянутся не вперед, а назад, к материнской и отцовской родине, уходя в нее воспоминаниями, снами, а иногда и реально, раскапывая могилы собственных матерей или спускаясь, как чевенгурский Дванов, в озеро, где лежали останки его отца.

Разрушение жизни, начинающееся уже в самый момент ее зачатия, – вот скрытый враг, присутствие которого должен уловить и поразить стыд. В формулировке Соловьева это сказано недвусмысленно: стыд, как указание, раскрытие того, что «сделан ложный шаг, произошла задержка для нас и для других на едином верном пути к единой достойной и дорогой цели – восстановлению бессмертной и нетленной жизни для всех»⁵.

От стыда – к жалости. В этом – втором – пункте триады Соловьев и Платонов также во многом совпадают. Платоновские люди испытывают жалость

так же часто, как и стыд; они жалеют людей, животных, мертвые останки растений и камней, даже звезду можно пожалеть, так как она в принципе столь же несчастна, как и раздавленный на дороге безвестный жучок: висит в пустоте без надежды на спасение и ждет конца. Конца, может быть, более отдаленного, но все того же, общего для всего сущего. Стыд за все и всех и жалость ко всему миру – такова общая картина мирочувствия платоновского человека.

У Соловьева логика взаимоотношений стыда и жалости еще более определена и теоретически выверена. Если стыд – это отрицание половых отношений и факта размножения, который снимает с одного человека проблему онтологического трансцензуса и перекладывает ее на плечи потомков (то есть уничтожает самоценность и родителей и их детей), то жалость – это чувство того же толка, но только направленное на людей уже родившихся, уже живущих и потому обреченных на умирание.

Иначе говоря, стыд отрицает то, что «природа вечно, но напрасно строит жизнь на мертвых костях», тогда как жалость «выражает внутреннюю солидарность живых существ»⁶.

Стыд – это сожаление по поводу раздробления, или, как пишет Соловьев, «*рассеяния* жизненной силы». У Платонова мы видим фактическую попытку предотвратить это рассеяние. Его персонажи отказываются от телесного размножения, а те тела, которые уже были рождены и вскормлены, выращены матерями, они пытаются собрать воедино в «товарищескую тесноту», в единое большое «дружественное» тело, которое одно только и может избежать всеобщей печальной участи. Отсюда, например, идет устойчивый платоновский мотив сбирания, стекания людей в овраги, лощины, ямы, котлованы.

В последнем пункте своих антропологических триад Соловьев и Платонов расходятся друг с другом, но как раз в этом расхождении и сказывается исходная общность их позиций. «Если человек стыдится, – рассуждает Соловьев, – значит он должен идти противоположным путем целостности и сосредоточения к бессмертию и нетлению. Если, далее, он действительно *жалеет* (курсив мой. – ЛК.) всех себе подобных, то цель этого пути – добыть бессмертие и нетление *для всех*. Совесть говорит ему, что он это должен, значит, может.

А вместе с тем очевидность говорит, что такая задача – создать бессмертие и нетленную жизнь для всех – выше человека»⁷. Что это значит? Это значит, что вера в Бога, то есть в сверхприродное существо, с чьей помощью человек может победить смерть, *есть проекция все того же исходного чувства*, которое в своей онтологической развертке было, в первом случае стыдом, а во втором – жалостью.

Стыд фиксирует и осуждает момент зарождения человеческой жизни, жалость имеет дело с уже живущими людьми, вера – дает надежду на то, что

«дурную бесконечность» природных смертей и рождений удастся когда-нибудь остановить и сделать то, что Соловьев называет «настоящим делом».

Платоновские люди тоже мечтают о «настоящем» (или в федоровской огласовке «общем») деле. Однако потрясения «социальной войны» выветрили в них если не веру как таковую (о мере русской религиозности можно дискутировать), то, во всяком случае, ее остатки или то, во что она превратилась к рубежу столетий. Формально в головах платоновских «окороченных» людей место веры христианской занимает фантастическая смесь представлений о Тайне мира и технических средствах ее достижения, о коммунизме как светопреставлении, которое должно случиться буквально на днях, о социализме – как веществе, которое может образоваться между телами сгрудившихся в кучу пролетариев. Фактически же веры как чувства реального, мистического, чувства светлого и радостного, дающего надежду на бессмертие, они не знают. Зато его полноправно занимает чувство прямо противоположного свойства – то, что считается недопустимым в христианском оптимистическом универсуме. Платоновские люди тоскуют, и эта безотчетная, такая же тотальная и безадресная, как стыд и жалость, тоска заполняет собой пустоту, образовавшуюся после того, как из души человека была изъята вера в Бога⁸.

Тоска, уныние – антиподы веры и надежды; в этом смысле «замена», произошедшая в нравственном устройстве человека, это изменение в последнем пункте антропологической триады, отличающее Платонова от Соловьева, вернее всего указывает на ту дистанцию, которая разделяет их эпохи, на то искажение образа человека, которое случилось в России в начале двадцатого столетия.

¹ *Вл. Соловьев. Соч. в 2-х т., т. I, М., 1988, С. 51–52.*

² *Карасев Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у Платонова) // Вопросы философии, 1990, № 2; Карасев Л.В. Лики смеха. Смех и стыд у Платонова // Человек, 1993, № 5.*

³ *Вл. Соловьев, т. I, С. 225.*

⁴ *Там же, С. 227.*

⁵ *Там же, С. 236.*

⁶ *Там же, С. 227, 237.*

⁷ *Там же, С. 236.*

⁸ С этим же обстоятельством, скорее всего, связано и почти полное отсутствие смеха у платоновских персонажей. Во всяком случае, смех, понятый как выражение радости, естественным образом покидает мир, в котором потеряна или деформирована надежда на будущее спасение.